

ванный и всем врожденный разум – этот первоначальный в нас и всем данный закон!

Повторим же сказанное сначала. Бога, что Он по естеству и сущности, никто из людей никогда не находил и, конечно, не найдет. А если и найдет когда-нибудь, то пусть разыскивают и любомудрствуют об этом желающие. Найдет же, как я рассуждаю, когда это богоподобное и божественное, то есть наш ум и наше слово, соединится со сродным себе, когда образ взойдет к Первообразу, к Которому теперь стремится. И это, как думаю, выражается в том весьма любому-дром учении, по которому познаем некогда, насколько сами познаны (1 Кор. 13, 12). А что в нынешней жизни достигает до нас, есть тонкая струя и как бы малый отблеск великого света.

Поэтому, если кто познал Бога, и засвидетельствовано, что он познал, то познание это приписывается ему в том отношении, что, сравнительно с другим, не столько просвещенным, оказался он причастником большего света. И такое превосходство признано совершенным, не как действительно совершенное, но как измеряемое силами ближнего. Поэтому Енос начал призывать Господа (Быт. 4, 26), и заслугу его составляло упование, и упование не относительно ведения, но призывания. Енох же взят (Быт. 5, 24), но постиг ли естество Божие, или еще постигнет, – это неизвестно. И в Ное, которому вверено было – целый мир, или семена мира спасти от вод малым древом, избегающим потопления, одно преимущество – богоугодность (Быт. 6, 5). И великий патриарх Авраам, хотя оправдался верой и принес необычайную жертву – образ великой Жертвы, однако же Бога видел не как Бога, но напитал как человека и похвален как почтивший, сколько постигал. Иаков видел во сне высокую лестницу и восхождение ангелов, он таинственно помазует столп (может быть, знаменуя помазанный на нас Камень), дает месту, в честь Явившегося на нем, наименование: дом Божий (Быт. 28, 17), борется с Богом как с человеком (действительная ли эта борьба у Бога с человеком, или ею означает, может быть, приравнение человеческой добродетели к Богу), носит на теле знамения борьбы, показывающие, что сотворенное естество уступило победу, и в награду за благочестие получает изменение в имени, из Иакова переименован Израилем (подлинно великое и досточестное имя!); но ни он, ни другой кто из двенадцати колен, которым он был отцом, хотя бы стоял выше самого Иакова, до сих пор не похвалился, что всецело объявил естество Божие или образ Божий. И Илии не ветер сильный, не огонь, не землетрясение, как знаем из истории (3 Цар. 19, 12), но небольшая прохлада была знаменем Божия присутствия, и только присутствия, а не естества. Какому же Илии? Которого огненная колесница возносит к небу, означая этим в праведнике нечто сверхчеловеческое. Не удивительны ли для тебя – сперва судья Маное, а потом ученик Петр? Но один не выносит лицемерия явившегося ему Бога и говорит: погубили мы, жена, потому что видели Бога (Суд. 13, 22), чем показывает, что для человека невместимо Божие даже явление, не только естество, а Петр не пускал в корабль явившегося Христа и отсылал от себя (Лук. 5, 3–8), хотя был горячее других в познании Христа, за что наименован блаженным и удостоен важнейших поручений (Матф. 16, 16–19). Что скажем об Исайте, об Иезекииле, зрителе самых великих тайн, и о прочих Пророках? Один из них видел Господа Саваофа, сидящего на престоле славы, окруженного, славимого и закрываемого шестикрылыми серафимами, видел, как его самого очищали углем и подготавливали к пророчеству (Ис. 6, 1–7). Другой описывает колесницу Божию – херувимов, и над ними престол, и над престолом твердь, и на тверди Явившегося, а также какие-то гласы, движения и действия (Иез. 1, 22–27), и не умею сказать, было ли это дневное явление, удобно-созерцаемое одними святыми, или ночное нелживое видение, или представление владычественного в нас, которым и будущее объемлется, как настоящее, или другой неизъяснимый вид пророчества – сие известно только Богу Пророков и причастников подобных вдохновений. По крайней мере, ни те, о которых у нас слово, ни кто другой после них, не были, по Писанию, в совете и сущности Господа (Иер. 23, 18); никто не видел и не поведал естества Божия. Если бы Павел мог выразить, что заключало в себе третье небо и шествие к нему (или постепенное восхождение, или мгновенное восхищение), то, может быть, узнали бы мы о Боге несколько больше (если только этого касалась тайна Павлова восхищения). Но поскольку это было неизреченно, то и мы почтим молчанием, выслушав же самого Павла, который говорит: отчасти познаем и отчасти пророчествуем (1 Кор. 13, 9). Так и подобно этому сознается тот, кто не невежда в познании (2 Кор. 11, 6), кто угрожает представить доказательство, что говорит в нем Христос (2 Кор. 13, 3), так сознается великий поборник и учитель истины. А потому все дальнее знание, как простирающееся не далее малых подобий истины, ставит он не выше зеркал и гаданий (1 Кор. 13, 12). А если бы не опасался я подать иным о себе мысль, что до излишества и без нужды занимаюсь такими исследованиями, то сказал бы, что об этом же самом, а не о чем ином может быть